

— Ваш первый вопрос? — спросил Юрский.

Я сказал.

Он внимательно выслушал, помолчал немного.

— А какие еще? Пожалуйста, назовите...

Сначала мне почему-то показалось, что именно такого первого вопроса он ждал, и это ему не понравилось. Потом я понял, что не так. Но это потом...

Мы беседуем в его артистической в перерыве между двумя картинами. Он в королевской одежде, почти никакого грима: борода, тени под глазами, все... Высок, строен, подчеркнуто сдержан. Говорит вполголоса, без всяких жестов, тщательно обдумывая каждое слово... Долго подыскивал определение его манеры разговора. Может быть, сдержанно — обдуманно?.. Здесь же скажу то, что понял не сразу. Так вот, заранее узнавая все вопросы, он как бы заранее обдумывал ответы на них, нащупывал главную тему, канву разговора, его тональность. И еще. Он приглядывался ко мне, примеривался: «А кто ты, мил-человек, будешь?»

— Ну что ж, начнем с первого вопроса. «Ревизор»... Осип... Спектакль этот совсем новый, не прошел и двадцати раз, поэтому и впечатления мои — новые, свежие, несформировавшиеся... Осип — такая же голелевская фигура, как и все остальные. Мне доводилось видеть «Ревизора», где все фигуры — голелев-

133 раза трудно). Так было с Бендером... И точно так же, как с радостью вспоминаешь студенческие годы, но возвращаться к ним вроде бы поздновато, так и с этими ролями. Они были — они прошли. Надо жить дальше, надо работать...

— Ну, а если вам все-таки придется вернуться к роли. Сможете ли вы ее сыграть с учетом всех пожеланий, всех критических замечаний?

— Критика чрезвычайно важна для каждого актера, как и для всякого человека. Но всякое произведение искусства, когда оно завершено, представляет собой явление цельное, живущее по собственным внутренним законам. И изменить его по чужому, даже пусть умному и справедливому совету, не так-то просто... Я не могу себе представить, чтобы актер на другой же день после выхода газеты с рецензией мог иначе сыграть свою роль. Чего тогда стоит весь его предыдущий труд? Влияние критики более глубокое и более длящееся во времени. Оно формирует личность актера, его дальнейший труд... Вот скажем, сыграл ли бы я сейчас Бендера иначе? — у вас есть такой вопрос. В основном, думаю, что нет. Но в каких-то деталях я смог бы уже учесть и собственные претензии, и мнение критики.

— Может ли зритель повлиять на ваше выступле-

Сергей ЮРСКИЙ:

«БУДУ ЛЕТАТЬ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ...»

ские, гротескные, а Осип — совсем наоборот, очень реальный, как бы противовес... Моей целью было как раз сделать его настолько гротескным, насколько это оказывается возможным... Если у героя мало текста, но его пребывание длительное — а именно так Осип, — могут быть использованы приемы пантомимы, эксцентрической пантомимы. Что я и сделал...

— Эксцентричность, — так считают многие — вообще свойство вашей актерской индивидуальности, актерской манеры. Не могли ли бы вы сами ее охарактеризовать?

— Когда обо мне говорят как об актере эксцентричном, я воспринимаю это как комплимент. Вы спрашивали, есть ли у меня любимые актеры? Конечно. Плятт, Папанов, Евстигнеев, Гринько, из зарубежных — Мастоляни, покойный Тото. Всех их называют эксцентричными актерами... Так что я очень ценю это слово — эксцентрика.

Теперь об актерской манере. Мне кажется, что если актер знает свою манеру и может ее сформулировать, то он ее исчерпал... В драматическом театре не может существовать манеры на всю жизнь. Она зависит от конкретного материала, с которым ты работаешь, от задач данного спектакля и, наконец, просто от возраста, опыта...

— Вам знакомо это чувство? Как вы его преодолеваете?

— Разумеется, знакомо. Каждый актер, как и каждый человек, знает, что это такое. Правда, у актеров это все намного сложнее.

— Почему?

— Потому, что профессия актера публична. И кризис актера, продолжение этого кризиса, его сомнения происходят всегда перед глазами большой аудитории. Что делать? Вносить ли это свое состояние в роль или же стараться оставить все за кулисами? Вопрос...

— Как поступаете вы?

— Пользуюсь и тем, и этим...

Надо работать, надо идти вперед. Очень важно не насиловать свое творческое чувство. Иногда важнее оставить неполучающийся кусок или неполучающуюся роль и идти дальше. Чтобы потом к ней вернуться... В нашем деле совсем не обязательна математическая последовательность: пока не овладел этим — нельзя переходить к следующему. Главное — ощутить целое. От него оживут и неполучающиеся детали. Творчески ощутить сверхзадачу роли, сверхзадачу спектакля — это и есть, пожалуй, самое трудное и самое главное... Руководитель нашего театра Георгий Александрович Товстоногов обладает замечательным качеством: неожиданно предложить актеру роль, приводящую в движение совсем новую сторону его души. Именно здесь лежит возможность творческого обновления, возможность выхода из периодически создающегося внутреннего актерского кризиса... Разнообразие — всегда на пользу актеру.

— Этим можно объяснить и ваши работы в кино, на телевидении, на эстраде?

— Отчасти да. Я думаю, что работа там одновременно с работой в театре является необходимым компонентом творческой жизни современного драматического актера... Я одинаково люблю и «Евгения Онегина», и Викниксора из «Республики Шкид», и своего первого старика — Илико...

— Не тянет ли вас к прежним, уже сыгранным ролям, тоскуете ли по ним? Может быть, не по всем — некоторым...

— Конечно, бывает. Тоскуешь по кинороли, с которой прощаешься в последний день съемки. Тоскуешь по театральному спектаклю, который сходит со сцены с течением времени. Так было с Чацким. (Я его очень любил, хотя играл всегда трудно. Все

ние? Пусть даже это будут какие-то банальности, раздражающие детали...

— Конечно, может, — он подумал немного, повторил, — разумеется, влияет. В какую сторону? В сторону лучшей боксерской стойки что ли. Если кто-то что-то не понимает, меня это задевает... Бывает же мешают обстоятельства, виновники которых мы сами. Оказывается, мы как-то неприметно прониклись штампом, и вдруг зрительный зал пронзительно нам напоминает, что это плохо, что мы где-то остановились. С этим тоже борешься. А борьба — это обновление. И ты становишься вроде бы моложе.

— Извините, сколько вам лет?

— Тридцать семь.

— А сколько лет героям, которых вы сейчас играете?

— Генриху IV — 60, профессору Полежаеву — 75, Илико — 70...

— Чем объяснить эти роли: складывающимся репертуаром или каким-то особым вашим интересом?

— Поначалу первым. А потом и вторым. Я полюбил эту тему. Меня заинтересовал этот период жизни человека, период итогов, период, когда вся жизнь перед глазами человека, а следовательно, и перед глазами зрителя... Но сейчас я все чаще и чаще думаю — такого раньше не было — о том возрасте, в котором я нахожусь, о своем возрасте. Актерски я очень хотел бы вернуться к менее мудрым, но более свежим впечатлениям. Сейчас я очень хочу — говорю это совершенно искренне, это не какая-то там дань модным ответам — сыграть своего сверстника, современника.

— И тем не менее сейчас вы ставите и играете «Мольера» Булгакова, где снова стареете и умираете... Почему вы взяли именно на эту пьесу?

— Я очень люблю театр, а она — об этом. Я очень люблю Мольера, а она о Мольере. И, наконец, я очень люблю Булгакова.

— Ваши планы как режиссера?

— Я не собираюсь бросать актерскую профессию. Просто есть некоторые вещи, которые очень хочется сделать самому. Тем более наблюдая за работой Георгия Александровича Товстоногова. У него учишься и учишься не только как актер, но и как режиссер... Дальнейших режиссерских планов у меня нет. Хотя есть, конечно, произведения, которые мне очень близки.

— Какие?

— Островский, Ибсен... Но, повторяю, конкретного плана сейчас у меня нет.

— Вы очень устали во время московских гастролей? Такая жара...

— Очень... Этот сезон у нас вообще был сезоном гастролей. Мы играли в Праге, Братиславе, Хельсинки, Вене, Цюрихе. И, наконец, в Москве. И одновременно в Ленинграде. Мы ездили туда и обратно... Гастролями своими мы очень довольны. Встреча с московским зрителем всегда радостна, а это наше общение было каким-то особенно интересным, обогащающим. Мы заканчиваем сезон, полные новых впечатлений.

— Что вы собираетесь делать во время отпуска?

— Сниматься в фильме по повести Жюль Верна. Буду летать на воздушном шаре. Интересно!

— Что вас больше всего волнует, кроме вашей профессии?

— Профессии, других...

В репродукторе раздавалось: «Следующий эпизод. Занятых прошу на сцену». Он поднялся с кресла. Поправил сапоги, надел колтуху, прошелся. Прощелся, сильно прихрамывая. Он был нездоров, и в этот день врачи запретили ему выступать...

Беседу вел Е. ФАДЕЕВ.

x 5 АВГ 1972

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. МОСКВА